

— А, так ты выходил отсюда!

Сердце радостно екнуло. Я-то уж решил, что никто из жителей деревни не может ее покидать. Оказалось, не все — Тунь Шэ На Линь, по крайней мере, был исключением. Неужели он тоже «Проводник»?

— Тогда... в интернете искал?

— В интер... нете?

Я покачал головой, мысленно усмехнувшись. Неужели он даже не знает, что это такое?

В каком же веке живут здешние люди? Он говорит, что выходил... Может, это было очень давно, когда интернет еще не был так распространен? Но выглядит он довольно молодо... Или он бывал только в соседних деревнях и поселках, а в городе — никогда?

— Давай так, Тунь Шэ На Линь, — я протянул руку и положил ему на плечо. — Ты согласишься стать моей музой, а я помогу тебе найти ту, которую ты ищешь столько лет. Идет?

— Музой? — повторил он, похоже, не понимая значения слова.

Я улыбнулся и объяснил:

— Источником вдохновения. Можешь считать это... страстью к живописи. Тем, без чего художник не может жить.

На самом деле, не так уж важно, согласится он или нет. Он уже пробудил во мне желание рисовать, он уже стал моей музой, огнем моей души... Но если он не позволит себя писать, не пойдет со мной, то, когда я уеду отсюда, у меня останется лишь память о нем — пепел музыки. Точно так же, как от Мин Ло.

— Значит, ты хочешь писать меня, потому что... тебе нужна страсть, — медленно проговорил он. Его речь стала словно немного более плавной.

— Можно и так сказать, — кивнул я, но почему-то почувствовал, что, возможно, сказал что-то не то, и неосознанно добавил: — Конечно, не всякий может пробудить во мне страсть. Тунь Шэ На Линь, я очень, очень давно не испытывал этого чувства, пока не встретил...

Я хотел было снова перевести разговор на него, как вдруг сверху что-то упало — «шлеп!» — и покатилося между нами. Я испуганно отпрянул и только тогда разглядел продолговатый предмет, завернутый в несколько слоев темно-красной ткани.

— Это...

— Картина, — Тунь Шэ На Линь поднял сверток одной рукой, а другой принялся поглаживать его, словно очень дорожил им. Затем он медленно протянул сверток мне. — Ты ведь... тоже художник. Взгляни, как она.

Он предлагает мне... оценить древнюю картину?

Я на мгновение замер, потом принял сверток. Он оказался тяжелым. Затвердевшая красная ткань, обернутая во много слоев, местами почти истлела от времени — похоже, вещь была действительно старой. Я осторожно развернул ткань слой за слоем. Внутри оказался желтовато-коричневый свиток. В нос ударил запах консервирующих благовоний. Пальцы коснулись мягкой, нежной поверхности, похожей на кожу животного, и сердце необъяснимо дрогнуло, охваченное внезапной паникой. Захотелось немедленно отбросить свиток прочь.

Но я не хотел ударить в грязь лицом перед своей музой. Подавив тревогу, я медленно развернул картину. Перед глазами стали проступать изящные, старинные, чрезвычайно проработанные линии. Золотые минеральные пигменты, словно лучи восходящего солнца на горизонте, сияли на белоснежном фоне, превращаясь в извилистые, похожие на рябь складки одежд, переплетающиеся с иссиня-черными, словно морские волны, прядями волос. Ярко-красная киноварь расставляла акценты, выводя несравненно прекрасные алые цветы тумэй... Картина, видимо, сильно пострадала от времени: минеральные краски кое-где осыпались и выцвели, местами виднелись следы огня — большие и маленькие черные пятна. Но все же можно было разобрать, что на ней изображен мужчина, сидящий среди зарослей тумэй. Он был обнажен до пояса, лишь белая накидка-пибо косо окутывала его от бедер до плеча. Шею украшало драгоценное ожерелье-инло из нескольких видов самоцветов, на руках поблескивали золотые браслеты. За спиной виднелся золотой нимб. Все это делало его похожим на божество с фресок индийской «Рамаяны».

Мой взгляд упал на лицо персонажа, занимавшее совсем немного места на свитке. Глаза мужчины были закрыты, а линии бровей и век напомнили мне крылья птицы, парящей в облаках.

Гордость, безразличие, снисходительный взгляд на все сущее.

Взгляд скользнул ниже, к его губам и носу. Сердце забило чаще. Я невольно поднял глаза на Тунь Шэ На Линя и поддразнил:

— Тунь Шэ На Линь, а божество на картине чем-то на тебя похоже, а?

Под черной тканью повязки что-то неуловимо дрогнуло. Тунь Шэ На Линь нахмурился и ничего не ответил.

Шутка не удалась. Я поджал губы и принялся внимательнее изучать картину, невольно

нахмурившись. На первый взгляд, мастерство художника было несомненным, каждый штрих — точным и выверенным. Но при ближайшем рассмотрении становилось заметно, что многие линии проведены не единым росчерком, виднелись следы повторных обводок, а некоторые участки были прерывистыми. Чувствовалось, что художник работал с чрезмерной старательностью, даже с крайним напряжением, словно ему к горлу приставили нож. Это напряжение, казалось, исходило от самой картины, поднималось по кончикам пальцев, проникало в кровь, мешая дышать.

— Если говорить субъективно, то картина хоть и изысканна, и роскошна, но линии в ней слишком скованные, лишённые легкости. От этого она кажется недостаточно живой, бездушной. Видно, что художник, хоть и обладал большим мастерством... похоже, просто отработывал заказ, — закончив, я тут же свернул свиток и глубоко вздохнул. Неприятное ощущение в груди немного отступило.

Брови Тунь Шэ На Линя сошлись еще плотнее.

— И это... все, что ты чувствуешь?

Считать ли дискомфорт в груди? Скорее всего, виноваты благовония. Я покачал головой и протянул ему свиток, но заметил, что плечи Тунь Шэ На Линя мелко дрожат. Он схватил мою руку и прижал ее к древнему полотну, заставляя провести пальцами по всей его поверхности.

Я ощутил текстуру кожаного холста, и меня почему-то охватила тошнота. Снова не желая выказать слабость перед музой, я сдержался.

— Что случилось, Тунь Шэ На Линь?

— Ничего... Ничего?

— С тобой все в порядке? — Я схватил его за плечи. Огонек свечи над головой мигнул и потускнел. В угасающем свете я увидел, как из-под черной повязки на его глазах медленно просачиваются две струйки... темно-красной жидкости. Похоже на кровь.

Я вздрогнул:

— Тунь Шэ На Линь, твои глаза...

Не успел я договорить, как светильник резко погас.

— Ты не он. И ты тоже не он.

Он произнес эту странную, невнятную фразу сквозь зубы, словно с трудом выдавливая слова.

— Не... не он? Кто?

Огромное недоумение охватило меня, а следом накатило недоброе предчувствие. В этот момент свет над головой снова стал ярче, но теперь он был красным. Я поднял глаза: в небольшом участке неба, видимом сквозь проем в потолке и изрезанном тенями деревьев, зловеще висела красная луна.

Эта сцена поразительно напоминала тот странный сон.

— Тунь Шэ На Линь, ты видишь? Луна стала красной... — пробормотал я, чувствуя, как кружится голова. Все плыло перед глазами, и я уже не мог разобрать, кошмар это или явь.

Ответа не последовало. Я опустил взгляд — Тунь Шэ На Линя рядом не было.

— Тунь Шэ На Линь? — Я попытался встать, но руки и ноги ослабли, сил не было совсем. Внезапно лодыжку что-то стиснуло. Я посмотрел вниз и увидел бесчисленные древесные лианы, выползающие отовсюду. Они, подобно ядовитым змеям, обвивали мои ноги, извиваясь, ползли вверх. В одно мгновение они сковали мои руки и шею, заставив упасть на колени.

Это кошмар, точно кошмар, нужно проснуться, проснуться!

С этой мыслью я прекратил бесполезное сопротивление и закрыл глаза. Сознание, словно намокший свиток, стало быстро расплываться, теряя четкость.

Вдруг тело отяжелело, будто на него что-то навалилось. У задней поверхности шеи послышалось шипение и звук, похожий на скрежет острых зубов, словно злой дух втягивал запах моей крови. Я, оцепенев, свернулся в комок, моля лишь о том, чтобы этот кошмар скорее закончился. Но тут у самого уха раздался ужасающий голос, похожий на вой северного ветра и рычание дикого зверя:

— Ты спас меня однажды. Я... не стану тебя есть.

— Но отныне, куда бы ты ни пошел, ты — мой раб.

...

Холод.

Ледяной холод проникал до самых костей, казалось, замораживая кровь в жилах.

Дрожа, я открыл глаза. Вокруг все было белым.

Снег... Я лежал ничком в снегу.

Я поднял веки. Сквозь густо падающие снежинки, в слабом предрассветном свете, я разглядел неподалеку дорогу. Напротив, за дорогой, простиралось бескрайнее лесное море. Я оглянулся — позади был тот же лес.

Я очнулся возле дороги, пересекающей лесной массив.

Что произошло? Разве я не был с Тунь Шэ На Линем?

Я потер гудящую, раскалывающуюся от боли голову, пытаюсь вспомнить, что случилось перед тем, как я потерял сознание. Память обрывалась на том моменте, когда Тунь Шэ На Линь протянул мне картину. Что было дальше — ни малейшего воспоминания. Неужели я отключился, разглядывая свиток?

Опустив взгляд, я увидел, что на мне все еще накинут старинный халат из золотой парчи, который одолжил мне Тунь Шэ На Линь.

Если бы не этот халат, я бы, наверное, решил, что отрезанная от мира деревня племени Нашэ, пещера с башней из человеческих костей и жуткими каменными изваяниями, огромное древнее дерево, сросшееся со строениями, и тот поразивший меня до глубины души таинственный мужчина — все это лишь иллюзия, предсмертный бред после аварии.

К счастью... это был не сон. Я действительно встретил свою новую музу.

Я с трудом поднялся на ноги и, прислонившись к стволу дерева, немного подождал, пока головокружение утихнет.

Как я очутился здесь один, без сознания?

Кажется... единственное разумное объяснение — Тунь Шэ На Линь выкинул меня сюда, пока я был без чувств. Неужели я так сильно его оскорбил какой-то фразой, что он возненавидел меня настолько, что не захотел оставить даже на одну ночь и выбросил на обочину до рассвета?

Из-за моей оценки той картины?

Огромное разочарование захлестнуло меня. Я до боли сжал кулаки, терзаемый досадой и обидой. Столько времени я искал, почти отчаялся, и вот, наконец, неожиданно встретил новую музу — но не успел удержать, как тут же упустил.

Не стоило давать оценок... Он ведь так дорожил той картиной.

А я сказал, что художник просто отработывал заказ.

Как глупо. Невероятно глупо.

Если я найду Тунь Шэ На Линя и извинюсь, есть ли у меня шанс вернуть свою музу?

Нет, шанс есть! Его одежда ведь осталась у меня!

Неужели он мог просто так отдать столь ценную вещь мне, незнакомцу?

Но как его найти? В каком направлении идти?

Я огляделся. По обе стороны дороги простирался бескрайний лес.

Я вышел на середину дороги. В одном конце виднелось все то же лесное море. Посмотрев в другую сторону, я увидел вдаль, в слабом предрассветном свете, знаменитую снежную гору Суми Лоу. Правда, отсюда она казалась гораздо дальше, чем из деревни Нашэ.

— И как далеко Тунь Шэ На Линь меня забросил?..

Стиснув зубы, я побрел по дороге в сторону горы Суми Лоу.

Не знаю, сколько я шел. Золотое солнце медленно поднялось из-за снежной горы, вошло в зенит над моей головой, а потом осталось позади. Я шел, пока ноги не стали ватными и окончательно не отказали. Только тогда я нашел у дороги камень и сел, чувствуя себя до крайности подавленным. Но в то же время в душе зародилась тайная решимость.

Тунь Шэ На Линь... вот найду я тебя снова, я тебе этого так не оставлю...

Я обязательно добьюсь тебя, чтобы ты по доброй воле позволил мне писать тебя вдоволь...

Меня мучили жажда, голод и духота. Я зачерпнул пригоршню чистого снега, проглотил его, немного отдохнул и, собравшись с духом, поднялся, чтобы идти дальше. Вдруг позади послышался шум приближающейся машины.

<http://bllate.org/book/13365/1188550>